

Голикова Гузьяль Азгаровна

[СИМВОЛИКА ГРААЛЯ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА \(РОМАН "В КРУГЕ ПЕРВОМ"\)](#)

В статье рассматриваются символические смыслы образа Грааля в автобиографическом романе А. И. Солженицына "В круге первом", определяющие нравственно-философский аспект произведения, формирующие его духовное "измерение". Через призму символики Грааля раскрывается своеобразие тематики и проблематики романа, его композиционно-повествовательная структура, пространственно-временные координаты, принципы построения системы образов героев, определяется символический смысл и философия судьбы автобиографического героя и автора.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/5-1/15.html

Источник

[Филологические науки. Вопросы теории и практики](#)

Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (35): в 2-х ч. Ч. I. С. 58-61. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/5-1/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

THE MARI-RUSSIAN INTRA-PHRASE CODE SWITCHING

Gavrilova Valentina Grigor'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Abukaeva Lyubov' Alekseevna, Doctor in Philology, Associate Professor
Mari State University
valgavrilova@rambler.ru; sylne@mail.ru

The research subject is the Mari-Russian intra-phrase code switching. The peculiarities of integrating the unadapted subordinating phrases of the Russian language into the Mari phrases are revealed: the strategy of combining the units of two typologically different languages, the morphological representation of foreign subordinating phrases and their syntactic functions.

Key words and phrases: the Mari language; the Russian language; intra-phrase codes switching, or codes mixing; phrase / sentence; unadapted subordinating phrase.

УДК 882

Филологические науки

В статье рассматриваются символические смыслы образа Грааля в автобиографическом романе А. И. Солженицына «В круге первом», определяющие нравственно-философский аспект произведения, формирующие его духовное «измерение». Через призму символики Грааля раскрывается своеобразие тематики и проблематики романа, его композиционно-повествовательная структура, пространственно-временные координаты, принципы построения системы образов героев, определяется символический смысл и философия судьбы автобиографического героя и автора.

Ключевые слова и фразы: символика Грааля; нравственный подвиг; духовное совершенствование; автобиографизм; автобиографический герой; проблемно-тематический узел повествования; философия судьбы героя и автора.

Голикова Гузель Азгаровна, к. пед. н., доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет
guzel-golikova@yandex.ru

**СИМВОЛИКА ГРААЛЯ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ
А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА (РОМАН «В КРУГЕ ПЕРВОМ»)©**

А. И. Солженицын в своем творчестве выступает как писатель, публицист, философ, историк, нравоучитель. Его произведения «вбирают в себя подлинные факты истории, представляют документ эпохи, что влияет как на масштабы творчества писателя, поэтику его произведений, так и на специфику жанра» [7, с. 5]. Ярким произведением в творчестве писателя предстает роман «В круге первом», который является первым зрелым прозаическим произведением автора и имеет три редакции (1955-1958, 1964 и 1968 гг.). О грандиозности произведения выразился еще Генрих Бёлль: «У романа Солженицына — «В круге первом» огромные своды, множество перекрытий, несколько измерений: повествовательное, духовное, историко-политическое, социальное; его арки перекинуты над множеством страниц и сторон, это собор среди романов...» [3, с. 228]. Различные аспекты романа, в том числе документальный и автобиографический пласты, система образов героев, образ центрального – автобиографического героя, специфика жанра, проблематика, композиция, символическая образность, вполне, казалось бы, изучены как в российской, так и западной критике и литературоведении (статьи и труды Ж. Нива, М. Шнеерсон, А. Молько, М. Лифшица, А. Латыниной, А. Немзера, Р. Темпеста, Л. Лосева, Н. Лейдермана, М. Липовецкого, Г. Белля, Л. Сараскиной, Л. Ржевского, Е. Белопольской и др.). В то же время, до сих пор неполно освещена символика романа. Прежде всего символический образ Грааля, который является, на наш взгляд, ключевым в понимании идейного (нравственно-философского) смысла произведения, определяет его духовное измерение, тесно связан с нравственными и духовными взглядами Солженицына и влияет на композиционно-повествовательную структуру текста, пространственно-временные координаты, принципы построения системы образов героев. Знаменательно, что А. И. Солженицын в историко-биографический, социальный, политический и документальный пласты романа включает тему символико-легендарного звучания «западного образца», что для писателя, казалось бы, не характерно, так как он мыслит себя изначально продолжателем традиций русской классической литературы (прежде всего – Ф. Достоевского и Л. Толстого), и символичность в творчестве писателя, по мнению Ж. Нива, В. Чалмаева, А. Немзера и др., тесно связана с образами православия, «Ветхим» и «Новым заветами». В то же время, с точки зрения поэтики произведений автора, такое включение символического образа в реалистический пласты повествования не исключение: для прозы Солженицына «характерен эффект знаковой избыточности», его творчество «насыщено всевозможными знаменами и знаками» [1, с. 21; 10, с. 217]. Писатель сильно тяготеет к средневековью, «во многих произведениях у Солженицына встречаются

по-новому освещенные духовные ценности» этой эпохи, «его привлекает целостность миропонимания людей тех времен, их устремленность к духовному и пренебрежение земным» [8, с. 10]. Это связано с нравственными и философскими доминантами в творчестве писателя – *морально-психологической установкой и религиозно-философским видением мира*. Закономерность появления в романе символа средневековой эпохи определяется особым сюжетом «Круга первого», наличием проблем глобального масштаба, связанных с судьбами не только России, но и всего мира. В романе «разворачивается трагедия глобальная – страны, народа, западного мира, человечества» [15, с. 211]. «Мрачный колорит романа усугубляется тем, что основная сюжетная линия его как раз и связана с борьбой, которая ведется вокруг атомной бомбы» [Там же, с. 212].

Грааль – один из величайших феноменов в культуре человечества, прежде всего в средневековой западной культурной традиции. Символический смысл Грааля часто сводится к поиску нравственного совершенства (идеала) в рамках рыцарской культуры, к идее *триединства* – Истины, Добра, Красоты. Он тесно связан с мотивом поисков Грааля неким рыцарем-избранником, и тема избранничества становится одной из центральных в сюжетах романов о Граале. Можно различить две линии в символической истории Грааля – языческую и христианскую. Языческая линия связана с именем Гермеса-Тота Трисмегиста и определяется герметической философией. Христианская линия является более поздней вставкой и сопрягается с куртуазной рыцарской культурой, которая «имела сформулированный кодекс нравственных ценностей, непосредственно представленный в произведениях куртуазной литературы как прозаического, так и поэтического плана» [5, с. 54]. Здесь центральным становится образ рыцаря, который «являет собой воплощение нравственного идеала, включающий в себя ряд категорий», среди которых выделяется *доблесть* в ее «неразрывной связи с идеей нравственного совершенства» [Там же]. В целом можно отметить ряд черт, определяющих символический смысл Грааля: – он являет собой первооснову или сущность мира, суть бытия, воплощенную в конкретном предмете, – обладает центрирующим значением, – объединяет рыцарей вокруг себя, требует служения себе, – образует вокруг себя сакральное пространство, – подчеркивается его связь с Христом, наиболее распространенное представление о Граале сводится к мнению, что это Чаша с кровью Христа, связан с дохристианскими символами изобилия, исполнения желаний, магической власти над миром [13, с. 21]. Грааль – «прекрасный романтический идеал, *символ познания, божественного откровения, духовного совершенства*» [4, с. 376].

Данные символические смыслы Грааля (первооснова и сущность мира; центрирующее значение, организация сакрального пространства, рыцарское служение через подвиг-доблесть, духовное совершенство и поиск божественного откровения) проявятся практически в полной мере и в романе А. И. Солженицына. Остановимся на отдельных аспектах данного вопроса. Впервые мы видим Грааль на картине художника-заклоченного Кондрашева-Иванова, где он изобразил рыцаря, поднимающегося вверх по скалистой тропе сквозь дремучий лес. Над горным ущельем – всадник. Изумленно и растерянно он смотрит вдаль, «...где на все верхнее пространство неба разлилось оранжево-золотистое сияние» и «смутный и все же угадываемый в подробностях нездешнего совершенства, – стоял в лучистом ореоле замок Святого Грааля» [11, с. 99]. Эскиз картины Кондрашева-Иванова – символический центр всего романа. Именно здесь символическая тема Грааля становится ключевой, определяет «духовно-философское» измерение произведения. Солженицын, следуя западной традиции, видит в Граале духовную первооснову и сущность мира, суть бытия, однако, мыслит его сообразно собственному миропониманию – прежде всего как оплот и символ особого триединства: *Правды (Истины) – Свободы – Совести*. Мыслимая писателем в свете «монизма» Истина и Правда, определяют философский, общечеловеческий смысл романа, «выведенность» его идеи за рамки социально-политической интриги в план вечного, таким образом формируя особое «соединение вечного (философского) и исторического (сиюминутного)» [6, с. 9]. В романе образуется сакральное пространство Правды – Свободы – Совести, связанное с категорией Духовного Совершенства, противопоставленное царству лжи, насилия, жестокости тоталитарной системы, что определяет характерный для писателя дихотомический принцип деления персонажей. Особое место в этом триединстве играет идея Правды, определяющая главный идейный принцип всего творчества автора – высокий уровень Правды [7, с. 5]. Путь к Правде – это путь борца, и в контексте романа – путь подвига, путь рыцаря. Солженицын здесь выделяет одну из основных ценностей западного средневековья – заботу о духовном совершенстве Души, что особенно подчеркнул впоследствии в диалогах героев «Августа 14-го» [8, с. 15]. В свете такого «средневекового» понимания нужно рассматривать и внутренний душевный мир героев Солженицына, прежде всего, через идею совершенствования Души и идею о роли и ответственности человека, отдельной личности в общем течении истории человечества [Там же, с. 16-17]. В то же время Грааль в романе Солженицына есть *символ величия человеческого духа*, ведь это произведение «о людях, способных при любых обстоятельствах сохранить свое человеческое достоинство, внутреннюю свободу, нравственное здоровье» [15, с. 213].

Грааль позволяет по-новому взглянуть на архитектуру романа с представленной в нем сложной системой зеркал [14]. Как вечный символ он найдет свое отражение в земном конкретно-историческом пространстве. Формируется романная *вертикаль: Небесное – Земное, Верх – Низ*, в центре которой – Человек – Грааль (от др.-геч. *храо* – «чистый») и др.-евр. *эль* – «бог») – нравственно чистая личность. Являясь образом Совершенства, Грааль у писателя символизирует Совершенство Человека, о чем поясняет Кондрашев Нержину: в редкое мгновение вдруг в человеке выступает Образ Совершенства. Главный герой романа Нержин через нравственное «очищение-подвиг» становится своего рода *чашей с кровью Христа* (как собственно и определяется Грааль в средневековой традиции). Историческая конкретика и автобиографизм романа, таким образом, сопрягаются с вечными, онтологическими вопросами человеческого бытия. В то же время особые вертикаль романа (Небесное – Земное) и его горизонталь (СССР – США) определяют появление *символики перекрестка*. Соединяясь с символикой Грааля, символика перекрестка отсылает нас к символике *христианского распятия*.

На этом перекрестке-распятии – не только многочисленные герои романа, в том числе центральные – Нержин и Володин, но и сама «шарашка» как некое *сакральное пространство Правды – Совесть – Совершенства*, своеобразное дантовское чистилище, организующее единство повествования и единство персонажей, наподобие единения рыцарей Круглого стола. Таким образом, в автобиографическую историю марфинской «шарашки» Солженицын вплетает другую историю – сакральную – о рождении Человека – Грааля, Человека – Христа в смутную эпоху сталинизма (в адювы времена). Поэтому весь роман, повествующий о смутных временах, пронизанный исторической и документальной конкретикой (в том числе поддержанной образами Сталина и других исторических персонажей), есть символический рассказ о рождении нового человека. Нержин не просто «обрекает себя на медленное умирание в крошечном лагерном аду», отказываясь от спокойной жизни на «шарашке» [15, с. 215]. Перед нами тема воскрешения человеческой души, определяемая мотивом «медленного умирания» – через смерть к жизни, как в истории с Иисусом. Автобиографический герой, как и когда-то Солженицын, выбирает не просто мучения в лагерях, а *смерть – возрождение* в духе Христа. Смысл судьбы автобиографического героя, таким образом, может «прочитываться» через призму символики Грааля и определяет в то же время *философию судьбы и биографии самого Солженицына*, который философски осмысливает свою судьбу через образ героя – автобиографического двойника, определяя ее идеей пути к Граалю – Совершенству.

В то же время символика Грааля синтезирует, «центрирует» наиболее важные темы всего повествования, оттеняя их своим «легендарным бликом» и интегрируя общечеловеческие духовные ценности. Проблемно-тематический комплекс романа, где особое место занимает тема *обращенности к Небу*, которая выражается не только через возникновение символического замка Святого Грааля, но и в главке «Церковь Иоанна Предтечи», определяется центральными темами произведения – *нравственного выбора и нравственного подвига* [11, с. 99]. «Каждый романский персонаж сталкивается с задачей поиска цели и смысла своего существования, и каждый совершает акт выбора, от которого зависит его дальнейшая жизнь» [12, с. 18]. Явленные тема *пути* в буквальном и символическом смысле и тема *мученичества и праведничества*, сопрягаются с темой *рыцарского избрничества и идеей служения нравственному идеалу через подвиг-доблесть* как «образ жизни, утверждающий нравственный принцип или идею вечной справедливости во враждебном лагере» [8, с. 24]. Вышеобозначенные темы органично связаны с *темами Рождества и Воскресения* [9]. Перед нами и тема мук Христовых, и нравственного восхождения через страдания. Определяется тема *нравственного перерождения* в ее христианском аспекте и в то же время в аспекте рыцарского «восхождения» к идеалу. Тема *нравственного обновления* представлена через идею *обретения внутренней свободы* и по-новому высвечивается через призму рыцарской истории о Граале, где особую роль играют два героя – рыцари Персеваль и Галахад. В отличие от простого, порой грубоватого и изнеженного Персеваля, Галахад совершенен и предназначен быть героем Грааля. Вполне очевидно, кто «исполняет» роль Галахада, а кто Персеваля в романе Солженицына – Нержин и Володин соответственно. Галахад и Персеваль находятся на разных этапах пути к Граалю, как и в романе Солженицына вышеобозначенные герои, но, тем не менее, оба – его избранники. Нисхождение в тюремный ад становится формой восхождения к Совершенству.

Грааль, таким образом, – как один из центральных символов романа, его «узловая точка» (поэтика «узловых точек»), определяет нравственно-философский и символично-аллегорический смысл всего повествования. Формируется особый синтез документального, автобиографического и художественного, сцепляемый не только христианской православной традицией, но и рыцарской символикой, средневековой западно-европейской традицией. Грааль оказывает воздействие на архитектонику романа, его вертикаль и горизонталь, построение системы образов героев, определяя свойственную Солженицыну дихотомию образов: в этом произведении по принципу «Грааль – АнтиГрааль» (Духовное – Материальное; Возвышенное – Низменное; Созидательное – Разрушительное); формирует «принцип единства временного и вечного, социального и философского, документального факта и художественного вымысла» [2, с. 166]. В целом, Грааль как духовный символ романа становится надпространственным и надвременным элементом в структуре текста, явно противопоставленным в силу своей принципиальной гуманистической *идеи созидания и совершенства* конкретно-историческому образу атомной бомбы, связанному с символической *идеей разрушения*, как в физическом, так и нравственно-духовном смыслах.

Список литературы

1. Архангельский А. О символе бедном замолвите слово: «Малая» проза Солженицына: «поэзия и правда» // Литературное обозрение. 1990. № 9. С. 20-24.
2. Белопольская Е. В. Роман А. И. Солженицына «В круге первом»: Проблематика и поэтика [Электронный ресурс]: дисс. ... к. филол. н. Ростов-на-Дону, 1996. URL: <http://www.disscat.com/content/roman-i-solzhenitsyna-v-krugerevom-problematika-i-poetika> (дата обращения: 12.02.2014).
3. Бёль Г. Мир под арестом. О романе Александра Солженицына «В круге первом» // Иностранная литература. 1989. № 8. С. 228-236.
4. Вовк О. В. Знаки и символы в истории цивилизаций. М.: Вече, 2005. 384 с.
5. Вышенская Ю. П. Куртуазно-рыцарская традиция в средневековой английской поэзии (на примере образа странника) // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2008. № 8. Ч. 1. С. 53-55.
6. Голикова Г. А. Изучение творчества А. И. Солженицына в национальных школах Республики Татарстан: автореф. дисс. ... к. пед. н. М., 1998. 22 с.
7. Голикова Г. А. Творчество А. И. Солженицына в школе. Казань: Образовательные технологии, 2003. 44 с.
8. Лопухина-Родзянко Т. Духовные основы творчества Солженицына. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1974. 180 с.
9. Немзер А. С. Рождество и Воскресение: О романе Александра Солженицына «В круге первом» // Литературное обозрение. 1990. № 6. С. 31-37.
10. Нива Ж. Солженицын: Главы из книги // Дружба народов. 1990. № 5. С. 203-252.
11. Ржевский Л. Творец и подвиг. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1972. 168 с.

12. Султанова А. М. Нравственно-философская проблематика романа А. И. Солженицына «В круге первом» [Электронный ресурс]: автореф. дисс. ... к. филол. н. Махачкала, 2008. URL: <http://cheloveknauka.com/nravstvenno-filosofskaya-problematika-romana-a-i-solzhenitsyna-v-kruge-pervom> (дата обращения: 21.02. 2014).
13. Ходаковский Н. Коронованный на кресте. М.: ООО «АиФ-Принт», 2003. 492 с.
14. Чалмаев В. А. Александр Солженицын. Жизнь и творчество. М.: Просвещение, 1994. 287 с.
15. Шнейерсон М. А. Солженицын: Очерки творчества. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1984. 298 с.

**SYMBOLISM OF GRAIL IN AUTOBIOGRAPHICAL PROSE
OF A. I. SOLZHENITSYN (NOVEL “IN THE FIRST CIRCLE”)**

Golikova Guzyal' Azgarovna, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Kazan (Volga Region) Federal University
guzel-golikova@yandex.ru

The article considers the symbolic meanings of the Grail image in the autobiographical novel “In the First Circle” by A. I. Solzhenitsyn, defining the moral and philosophical aspect of the work, forming its spiritual “dimension”. Through the prism of the Grail symbolism the originality of the subject-matter and problematics of the novel, its compositional and narrative structure, space-time coordinates, the principles of heroes’ images system are revealed, and the symbolic meaning and the philosophy of autobiographical hero’s and author’s fate are determined.

Key words and phrases: symbolism of the Grail; moral heroism; spiritual perfection; autobiographism; autobiographical hero; problem and topical node of narration; philosophy of hero’s and author’s fate.

УДК 8; 801.82

Филологические науки

В научный оборот вводятся данные, извлеченные из неопубликованных архивных материалов. Автором представлены основные модели образования деминутивных форм личных имен, описаны наиболее продуктивные модели. В исследуемых источниках обнаружено отсутствие прямой связи между сословной принадлежностью и деминутивной формой имени среди служилых людей.

Ключевые слова и фразы: модификат личного имени; антропоформант; формообразовательная модель; канцелярский этикет.

Данилова Марина Фёдоровна

Хабаровский государственный институт искусств и культуры
danig66@mail.ru

К ВОПРОСУ О МОДИФИКАТАХ ЛИЧНЫХ ИМЕН (НА МАТЕРИАЛЕ ПОСЛУЖНЫХ СПИСКОВ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ XVII ВЕКА) ©

Актуальность исследования имен собственных в историческом плане обусловлена тем, что антропонимия регионов, по мнению ученых, исследована еще недостаточно. При наличии большого числа работ в области ономастики, описание способов именования людей прошлого оставляет ряд проблем вследствие слабой изученности антропонимикона некоторых видов письменных документов определенных территорий и временных отрезков. В этом отношении следует отметить, что послужные списки (далее – ПС) Сибири XVII в. остаются малоизученными, хотя исследование данных документов позволило выявить содержащийся в них богатый пласт антропонимической лексики, разнообразной по форме, составу и структурной организации.

Источниковую базу нашего исследования составили ПС, созданные в делопроизводственных учреждениях Приенисейской Сибири первой половины XVII в. Енисейского и Красноярского острогов и хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) г. Москвы. Изучение антропонимикона ПС позволяет отметить, что одной из особенностей употребления личных имен в текстах рассматриваемого жанра является их модифицированная форма.

В настоящее время однозначного мнения исследователей на фактор, определивший использование полных и неполных форм антропонимов в деловых текстах XVII в., пока нет, и в научной литературе решение вопроса представлено по-разному. Одни ученые выбор полной или деминутивной формы имени связывают, прежде всего, с социальным положением именуемого, а также с видом и назначением документа [2, с. 17], другие такой зависимости не находят [4, с. 42, 43]. Имеет место позиция, когда характер источника, его жанрово-стилистическая принадлежность признаются определяющими, а социальный фактор – вторичным [3, с. 17]. Г. А. Хабургаев, например, видит обусловленность деминутивных форм личных имен этикетными делопроизводственными отношениями. По его мнению, согласно этикету надо было именовать уничижительными образованиями все, что связано с просителем и вообще с нижестоящим лицом при обращении к лицу вышестоящему [6, с. 112]. Ю. И. Чайкина же считает, что употребление полных и неполных личных имен